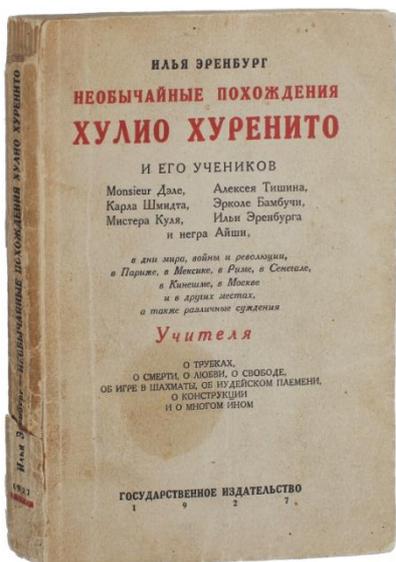

Каков учитель, таков и ученик
ИЛИ
«яблоко от яблоньки далеко не падает»

Карантинное «сиденье» располагает кое-кого на творческий лад. Хотелось бы по горячим следам продолжить тему по разбору творчества

писателя И.Г.Эренбурга. Под «прицелом» пера оказался роман *«Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»*... Мое знакомство с его опусами началось кажется именно с этого романа где-то в 1980-м (написал его автор в 1922 году - Бельгия), а потом уже я прочел вдогонку и его *«Трест Д.Е. Гибель Европы»* (год написания 1924 г. - Германия). Эти 2 романа на мой взгляд – взаимосвязаны неразлучно или одно служит продолжением другого (и не только потому, что

опять же кто-то его именует «сатирой», но и потому, что одно как бы вытекает из другого – как 2-я часть) – Эренбург о Хуренито упоминает в *«Тресте...»*¹ (как и о мистере Куле), также поднимается речь о разрушении Европы. Кто-то от знатоков литературы считают, что в его творчестве главным была книга *«Люди, годы, жизнь»*, а кто-то романы *«Буря»* и *«Падение Парижа»* (2 сталинские премии); но на мой субъективный взгляд и вкус эта «вещь» - центральный его труд (с точки зрения формирования «нового мышления»), это его как говорится «песня» (и из песни слова не выкинешь) или идеологемма/«идеограмма»... Это вам не болезненная декаденщина какая-то, а именно авторское «откровение» на свой счет – выбор *учителя* и *пути*...

«Герой» романа предаётся унынию над чашкой кофе, которую он давно выпил и впустую ожидал того, кто освободит его, заплатив терпеливому официанту шесть су. Как раз в это самое время и происходит необычайное *«явление»* Хулио Хуренито «народам Европы и его первому и преданнейшему ученику Эренбургу». А происходит *«оно»* 26 марта 1913 г. в кафе «Ротонда» на парижском бульваре Монпарнас. «Монпарнас» - это место «тусовки» типа как у нас на Пушкинской (ныне: улица Тверская), где в 70-80-е там собирались хиппи и так называемая золотая молодежь; а в

¹ - «Енс Боот знакомится с учением Хулио Хуренито. Вслед за рукой очистительной операции подверглась и голова. Чикита без особого труда переехала из Генуи в Барселону. ... Это была биография великого Учителя Хулио Хуренито, убитого в 1921 году в городе Конотопе, а также его избранные суждения. Несколько раз, отрываясь от книги, Енс Боот ругался: — Этот слюнтяй умел только философствовать, когда надо было действовать!...».

Париже собирался, как я бы сказал, революционно-творческий «бомонд». Вот там-то – на «Пушке» близкий приятель «Юрай» и предложил мне почитать сей труд, который считался одним из бестселлеров на то время. Тогда это было, как говорится, продвинутое чтение – это было «модно», а сейчас я понимаю, что это – настоящая засада с позиции православного самосознания... Действительно, в это самое время Эренбург был в Париже, скрываясь от суда в России, ведя здесь полубогемную жизнь. Кстати говоря, именно в 1913 году их с Лениным, который был там же, принимают в масонскую ложу². Поэтому я смею предполагать, что в романе прослеживаются не только автобиографические черты, но и мысли автора, которые он имел на самом деле, а значит и измышлять особо ничего не надо было (тем более автор вводит себя в число его учеников). Эренбург любил беззаботно проводить время на Монпарнасе...

Монпарнас (гора Парнас) — район на юге Парижа, на левом берегу Сены. Это был квартал на окраине Парижа, включенный в состав города лишь в 1860 году и ставший 53-м кварталом³. Он стал популярным в начале 20-го века как раз в то время, когда здесь в легендарных кафе и кабачках стала собираться вся творческая интеллигенция. Сюда съезжались писатели, скульпторы, художники, поэты и музыканты со всего мира. «Кафе и бары были излюбленными местами встреч, где рождались и развивались новые идеи» (что ж, с пива, а точнее с кафе, где оно распивалось, начался и фашизм в Германии: «пивной путч» в 1923 г.). Центр жизни Монпарнаса в то время находился вокруг перекрестка Вавен (в 2000 году переименован в площадь Пикассо»). В кафешках Монпарнаса, которые впоследствии стали именитыми (Le Dôme, La Closerie des Lilas, La Rotonde, Le Select и La Coupole)

можно было за небольшую сумму зарезервировать стол на всю ночь (существуют и по сей день, но только теперь предназначены для более обеспеченных людей).

Кафе Клозери де Лиля, 1909

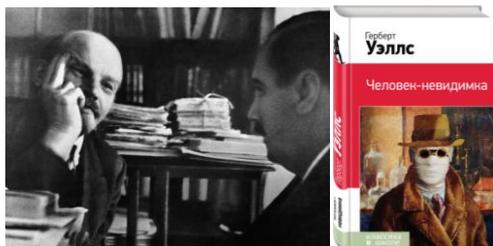
² - Со слов монахини Марии (см. мою предыдущую статью «О Европе и ее участии от Эренбурга»).

³ - «Район, который в наше время принято называть Монпарнасом, выходит далеко за границы административного квартала. В XVII веке на углу нынешних бульваров Монпарнас и Распай находилась огромная куча строительного мусора. Студенты Латинского квартала, приходившие сюда декламировать стихи, в шутку прозвали ее Парнасом. Для строительства бульвара Монпарнас (Boulevard du Montparnasse) в 1760 году потребовалось выравнять холм. В годы Французской революции тут открылось множество танцевальных залов и кабаре... В ходе Второй мировой войны художники и писатели были вынуждены покинуть город, так как многие из них были евреями или/и беженцами. Многие были убиты нацистами. Произведения менее известных авторов уничтожались и рассеивались по всему миру.» (Википедия).

Художник Марк Шагал делится своими впечатлениями о Монпарнасе: «Я хотел увидеть своими глазами то, о чем я столько слышал. Эта революция глаза, ротация цветов, которые вдруг неожиданно смешиваются с другими цветами и превращаются в поток линий. В моем городе такого не было.» А поэт Макс Жакоб сказал более банально и откровенно о том, что он приехал на Монпарнас «чтобы грешить». Сюда тянуло как медом не только творческих людей, но состоятельных обывателей и вынужденных эмигрантов (которые тоже были не так уж и бедны): например, Ленина, Троцкого, Петлюру... К этой плеяде относился и Эренбург, который начал свою «карьеру» революционером (в тех же «краях» он знакомится с будущим «кремлевским мечтателем» Лениным⁴), а впоследствии станет писателем, также и мечтателем, и еще каким! В одном из кафе Монпарнаса Эренбург познакомился со знаменитыми поэтами Гийомом Аполлинером, Максом Жакобом, Блезом Сандраром (в 1913 году он начал переводить новых французских поэтов). Париж был в моде. Илья Эренбург потом превыспренно скажет: «увидеть Париж и умереть» (кто-то И-ю Г-ча даже назовет потом «загадочный человек с Монпарнаса»). Сам Эренбург так писал о французской «мекке»: «Кафе Монпарнаса были переполнены: огни довоенной “Ротонды” притягивали мечтателей, авантюристов, честолюбцев. Молодые шведы, греки, поляки, бразильцы торопились в Париж - *они хотели перевернуть мир* (выделено мною – В.М.); мир, однако, крепко стоял на месте»⁵. Там была соответствующая почва, где восходили не только таланты, но и всходили семена крамолы. Высший класс у нас в Отечестве и в 19-м, и в начале 20-го веков предпочитал общение друг с другом частенько на французском: это была одна из болезней российской интеллигенции. Вот господ и тянуло на Париж...

*Passage de l'Opéra, излюбленное место встреч парижских дадаистов в 1909. **Дадаизм** (авангардистское течение в литературе, изобр. искусстве, театре и кино) возник как реакция на последствия Первой мировой войны, жестокость которой, по мнению дадаистов, подчеркнула бессмысленность существования. Рационализм и логика объявлялись одними из главных виновников опустошающих войн и конфликтов...*

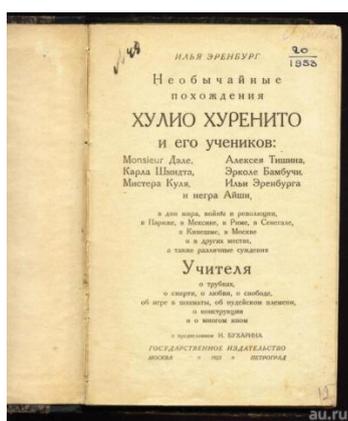

4 -

Именно так, посетив Москву в 1920-ом, назвал его писатель-футуролог Герберт Уэллс.

⁵ - «Люди, годы, жизнь. Книга III.»

Далее... Рассмотрим: кого же Эренбург избирает себе в учителя. Учитель – это тот человек, который силою своей личности готов увлечь за собой других, который способен передать знание. Когда я прикоснулся к «Похождениям...», то тоже был юношей и искал свой путь (а точнее: я начинал воцерковляться). Мне понятно, когда Христос говорит: «Я есть Путь, Истина и Жизнь», «оставьте все и следуйте за Мною... и будете иметь сокровище на небесах». Так **никто и никогда не говорил**. Онъ – во всех отношениях Высоконравственная Личность, Богочеловекъ, не имеющий где главы преклонити. Или уж на худой конец понять можно, когда кто-то пошел за Буддой, который был в миру царевичем и, оставив все, ушел в лес, чтобы найти и достичь некоего просветления. Но тут кто избирается как пример для подражания: мягко выражаясь, весьма сомнительная личность... Как-то в очередной раз от безделья Эренбург попивал кофе в кафе «Ротонда», и здесь появляется он... Принятый Эренбургом и прочими завсегдатаями «Ротонды» **«за черта»**, незнакомец оказывается куда более персоной замысловатой и неоднозначной: он был героем гражданской войны в Мексике, удачливым

золотоискателем, ученым-энциклопедистом и знатоком десятков живых и мертвых языков и наречий. В детстве он отпилил пилой для хлеба голову котенка, желая познать отличие смерти от жизни... Но «главное призвание» Хулио Хуренито, именуемого в романе учителем, **«быть Великим Провокатором в роковые для человечества годы»**. Хочется также отметить оформление книги, в которой слово «учитель» выделено особо и напечатано с **большой буквы** (а значит, что для автора это было по-настоящему значимо, и учение его было почитаемо как истина в последней

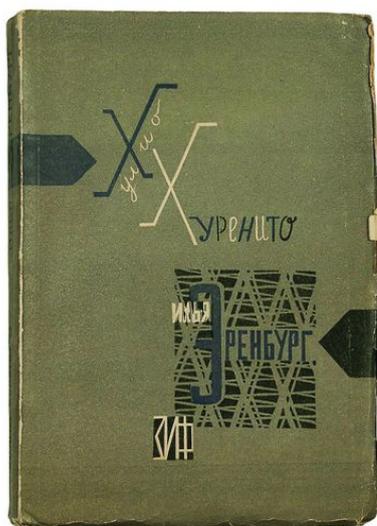
инстанции). Припоминаются слова из Св.Писания: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням»⁶... Что ж, пусть побродят по стране далече «блудные сынки»; и может быть когда-то понаваляются «в грязи», набьют себе шишек, да и возвратятся до родного Дома (понаевшись всевозможных «рожков»⁷ и понавидаввшись/наслушавшись кое-кого из тех, которые хоть и без рожков, но заслуживают их носить по своим целям и деяниям)... Слова Ил.Гр. о прихожанах кафешек Монпарнаса, что **«они хотели перевернуть мир»**, я думаю, что это не случайно оброненная фраза. То есть оные хотели заниматься тем,

⁶ - 2-е Послание к Тимофею 4, 3 (Новый ЗАВЕТ).

⁷ - «Рожки» – пища для свиней: плоды рожкового дерева семейства бобовых.

чтобы увидеть что плохо не в себе самом, а во вне: в стране, которой ты живешь; царе ли; губернаторе ли... Читаем: «Я называю Хулио Хуренито просто, почти фамильярно “Учителем”, хотя он никогда никого ничему не учил; у него не было ни религиозных канонов, ни этических заповедей, у него не было даже простенькой, захудалой философской системы. Скажу больше: нищий и великий, он не обладал жалкой рентой обыкновенного обывателя – он был человеком без убеждений (выделено выше и ниже мною: В.М.). Я знаю, что по сравнению с ним любой депутатик покажется образцом стойкости идей, любой интендант – олицетворением честности. **Нарушая запреты всех существующих ныне кодексов этики и права**, Хулио Хуренито не оправдывал этого какой-либо новой религией или новым миропознанием. Пред всеми судилищами мира, включая революционный трибунал РСФСР и жреца-марабута Центральной Африки, **Учитель предстал бы как предатель, лжец и зачинщик неисчислимых преступлений**. Ибо кому, как не судьям, быть добрыми псами, ограждающими строй и лепоту сего мира? Хулио Хуренито **учил ненавидеть настоящее**, и, чтобы эта ненависть была крепка и горяча, он приоткрыл пред нами, трижды изумленными, дверь, ведущую в великое и неминуемое завтра. Узнав о его делах, **многие скажут, что он был лишь провокатором**. Так называли его при жизни мудрые философы и веселые журналисты. Но **Учитель, не отвергая почтенного прозвища**, говорил им: “Провокатор – это великая повитуха истории. Если вы не примете меня, провокатора с мирной улыбкой и с вечной ручкой в кармане, придет другой для кесарева сечения, и худо будет земле”. Но современники не хотят, не могут принять этого праведника без религии, мудреца, не обучавшегося на философском факультете, подвижника **в уголовном халате. Для чего же**

Учитель приказал мне написать книгу его жизни?» Он долго томился сомнениями, но коварная память на сей раз выручила его: «Итак, не для духовных вершин, не для избранных ныне, бесплодных и обреченных, пишу

я, а для грядущих низовий, для перепаханной не этим плугом земли, на которой будут кувыряться в блаженном идиотизме его дети, мои братья»... Я дал такую пространную выдержку к портрету Хуренито, чтобы получше разобраться и увидеть кто стал властителем дум некоторых молодых людей,

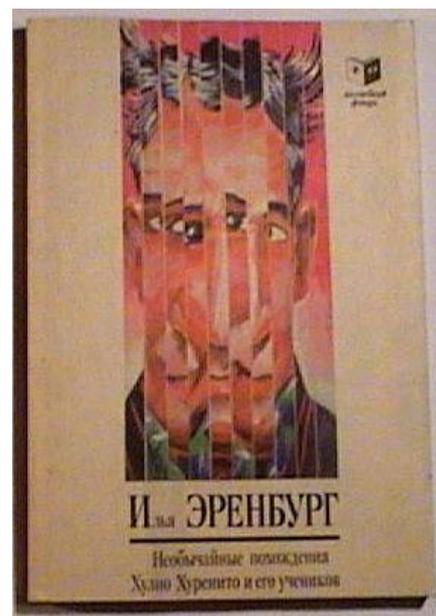
к коим и причислял себя и Эренбург. Но разве не известно, что ангел тьмы может принимать вид ангела света, а поэтому рассуждения Ил.Гр. о том, что вот только что был явный ч..т, а потом вроде бы «да-нет» - приличный джентльмен – похоже на *фикцию*.

Но прежде той «исторической» встречи с будущим учителем, Илюша Эренбург наконец дождался того, кто заплатит за него за кофе: старая его нянюшка, приехавшая в Париж и случайно попавшая в кафе, **«где сидели русские обормоты...»** оплатила фиксированных шесть су; и более того: подарила ему большую булку и, растрогавшись, трижды поцеловала в носик дитятку. Кто-то сказал, что если не было бы Арины Родионовны, то не было бы и Пушкина. Но в данном случае няня была слишком далеко от своего любимца (да и у Эренбурга не было любви к России, а если бы была, то его талант возможно мог бы раскрыться по-настоящему и заиграть всеми гранями). Может быть, вследствие этого неожиданного избавления, а может быть, под влиянием других обстоятельств, как-то: «хронического голода, чтения книжек Леона Блуа и различных любовных неурядиц», И.Г.Э. был настроен весьма мистически и узревал в самых обыкновенных явлениях некие знаки свыше: «соседние лавки – колониальная и зеленая – казались мне кругами ада...». Затем, опустошив стакан абсента и, охмелев, он начинал доказывать ко всему привыкшему кабатчику, что «еще Нострадамус предугадал в **“Ротонде”** питомник смертоносных сколопендр» (см.фото выше). Занятно... И кое-что точно сбылось: сколопендры стали раползаться-разъезжаться по всему миру, неся свой «яд» и заражая им некоторых «избранных»... Книга о Великом Провокаторе-комбинаторе и сама является шоком или провокацией, одним из плодов «дадаизма»: следствием наступившей опустошенности после I-й мировой войны. «Этот роман есть гениальный ответ еврейского фельетониста на царство тотальностей» (журналист Дмитрий Быков, «Эхо Москвы»; закрутил, это же надо). Но у меня своя точка зрения на сей счет...

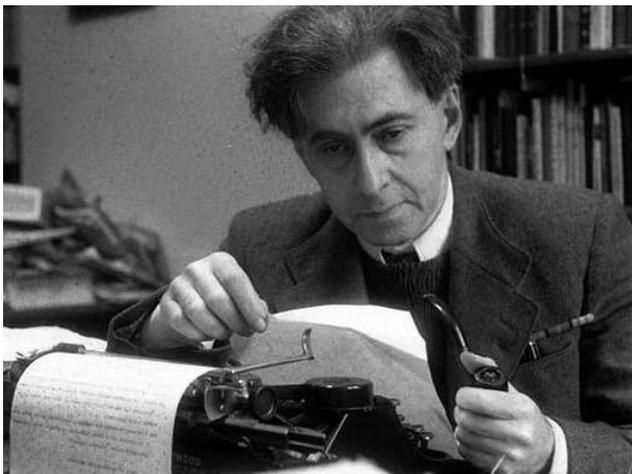

Пабло Пикассо (справа) с товарищами перед кафе «Ротонда». Фотография Жана Кокто. 1916

...«Дверь кафе раскрылась, и не спеша вошел весьма обыкновенный господин в котелке и в сером резиновом плаще. В “Ротонду” приходили исключительно иностранцы, художники и просто бродяги, люди непотребной наружности... Поэтому ничто не могло привлечь внимания посетителей. Но господин в котелке был такой диковиной, что вся “Ротонда” дрогнула, на минуту замолкла, а потом разразилась шепотом удивления и тревоги. **Только я сразу все постиг.** Действительно, стоило внимательно взглянуть на пришельца, чтобы понять вполне определенное назначение и загадочного котелка, и широкого серого плаща. Выше висков под кудрями ясно выступали крутые рожки, а плащ тщетно старался прикрыть острый, воинственно приподнятый хвост»⁸. По жизни бывает так, что первое впечатление оказывается самым верным... «Хуренито снял котелок, и воображаемые рога оказались жесткими, густыми завитками волос, как у негра. В томлении и ужасе глядел я на невольного обманщика, а Хуренито спокойно раскуривал свою трубку». Вот как. Оказывается, что не все так «страшно»... «Нет, – я не мог удержаться, я кричал, – этого не может быть! **Вы без хвоста, но вы – он самый!** Есть добро, понимаете? – вечное, абсолютное!» Хуренито не смутился, даже не повысил голоса: «Право же, я не черт. Вы слишком льстите мне. Притом этих очаровательных созданий, увы, нет! Можете спать спокойно, даже брома не требуется. **Но и добра тоже нет. И того, другого, с большой буквы. Придумали. Со скуки нарисовали. Какой же без черта бог?**» (выделено мною – В.М.)... О, каковы откровения от «Учителя» - некоего воплощенного мини-«мефистофеля»⁹, полуВоланда от Эренбурга (хотя, если присмотреться повнимательней – одержимый проходимец)! Как все просто. То ли еще будет: «...Я сидел молча, придавленный этими речами. Но вдруг из бессмысленного вращающегося хаоса выскочила точка, маленькая, черненькая; я быстро вскарабкался на нее. “Пусть так, нет ни творца, ни смысла, ни добра, ни справедливости. Но есть ничто... А раз есть ничто, то значит, есть реальность, есть смысл, есть дух и творец”. – “Мой друг, вы неправы! Ведь у вашего “ничто” тоже нет хвостика. А вот трубка здесь, и я здесь и испанец. В том-то и вся хитрость, что все существует и ничего за этим словом нет”. Доктор Фауст...», приобрел такую широкую известность благодаря фильму Сидни Полака «Сайонара» в Жене-старичерваллици1806, первый раз маленький неаполитанский дождик шел на двадцать лет, теперь Илья Михалков вернется, возмужав, в этот раз предскажет: «Автомат – от мефиста «разрушитель» и тофель не «ажук». В Библии оно не фигурирует. Появилось скорее всего в эпоху Ренессанса, с этого времени используется как альтернатива пугающим словам «сатана» или «дьявол». 2. По другой версии, имя сахарозаводчика из Гуанахуаты Педро-Луиса Хуренито». Учитель родился 25 марта 1888 года в Мехико, в небольшом городе Гуанахуате, известном золотыми приисками. Он был крещен по обряду католической религии и получил имена **Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина**. Ходили всякие вздорные легенды о происхождении Учителя, и одна из них о том, как

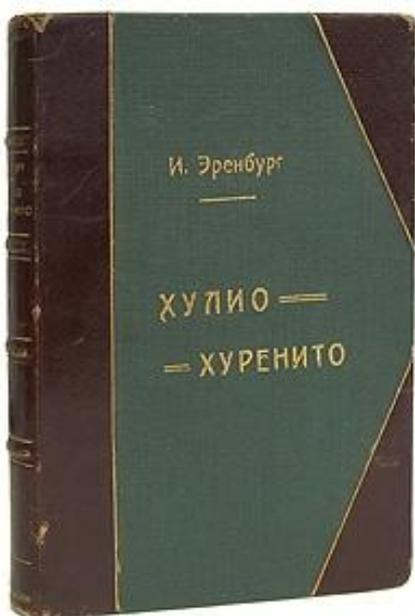

черненькая; я вскарабкался на нее. **“Пусть так, нет ни творца, ни смысла, ни добра, ни справедливости. Но есть ничто. А раз есть ничто, то значит, есть реальность, есть смысл, есть дух и творец”**. – “Мой друг, вы неисправимы.

Ведь у вашего „ничто“ тоже нет хвостика. А вот трубка здесь, и я здесь, и испанец. **В том-то и вся хитрость, что все существует и ничего за этим нет...**». Автор далее хочет доказать, что Хулио – не выдумка, а реальное лицо: *«чтобы все уверовали, что Хуренито не миф, не сказочный герой, а сын сахарозаводчика из Гуанахуаты Педро-Луиса Хуренито»*. Учитель

родился 25 марта 1888 года в Мексике, в небольшом городе Гуанахуате, известном золотыми приисками. Он был крещен по обряду католической религии и получил **имена Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина**. Ходили «всякие вздорные легенды» о происхождении Учителя, и одна из них о том, как Будда воплотился в этого высокого, худого человека с глазами, «полными движения, но обладавшими непостижимой силой останавливать время». Этот будущий «факир» мальчиком семи лет, усомнившись в Богородице и во многом ином, прокрался в церковь, выпотрошил статую Мадонны, сделанную из парчи на каркасе¹¹, и «остался вполне удовлетворен

опытом». Вследствие чего Илюша Эренбург называет его всего лишь «пытливым мальчиком». О учителе плохо говорить нельзя. Может быть И.Г.Э. это все было близко, было «по духу» (как, наверное, и история с отпиленной головой котенка: а вы думаете сразу что ли стали стрелять в губернаторов и царя: прежде «тренировались» на кошечках...)? Конечно, живи себе не тужи. Здорово устроился детина: в поте лица своего не надо зарабатывать на хлеб насущный, попивай себе кофе или абсент, да от скуки придумывай что хошь, всяческие интеллигентские залихватские, сумасбродные романы. Свобода! Вот оно то от той самой скуки

порой лезет *такое, что...* Просто сатира – это слишком пресно. Поэтому надо побрюзжать и так понавертеть-накуралесить, что и сам ч..т ногу сломит. За месяц слепить шедевр, сами понимаете, нереально; но вот удивить,

¹¹ - Выдержка из: «Глава вторая. Детство и юность учителя»...

пощекотать нервишки и умишки... это Да! Нет у героя горения или как у Данко¹² горящего сердца, чтобы повести за собой. В Апокалипсисе есть такие важные слова: *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моихх»...*

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моихх»...

На каком-то жизненном этапе молодой человек понимает, что ему нужен учитель по жизни (он не понимает как жить, что делать, ответы в Св.Писании его не удовлетворяют вполне – слишком все просто). Это дело закономерное... Можем вспомнить, как группа «Битлз» какое-то время «окормлялась» у своего гуру Махариши. Посетив семинар Махариши в Уэльсе, именитые музыканты публично заявили прессе, что отказываются от психоделиков в пользу духовных практик¹³. Но потом случился сексуальный скандал с учителем и полное разочарование¹⁴. Ох, уж эти учителя! Не промахнись и ты, Илия... Но пока читаем далее, пытаюсь рассмотреть учителя молодого Эренбурга поподробнее: «Ведь так же нельзя жить, это гнусно, стыдно, наконец просто ненужно!» – «Что делать – не вы выбирали! Вас поставили перед совершившимся фактом. Дом мебелированный: одним очень нравится – уютно, другие возмущаются...» В эту минуту Эренбурга осенило (он даже думал, что оно исходит от учителя) и закричал: **«Но ведь можно уничтожить дом?»**» Хулио кивнул головой и

¹² - Данко - персонаж третьей части рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль», пожертвовавший собой и спасший свой народ с помощью горящего сердца.

¹³ - Трансцендентальная медитация (а также все, что было связано с ее главным идеологом и гуру Махариши Махешем Йоги) потрясла Европу и США на рубеже 50-х и 60-х годов. Главными поклонниками новомодных веяний, пришедших из Индии, стали представители молодежных и студенческих кругов — именно они больше других были падки на эксперименты с подсознанием. «Познай себя и получи кайф без наркотиков».

¹⁴ - Напоследок «Ринго назвал ученье Махариши чушью, а его метод — большим обманом». Пол сказал Джону, что «великий святой больше похож на великого шарлатана и очевидно, что Махариши использует “Битлз” для роста собственной популярности». Джон и Джордж продержались чуть дольше — до тех пор, пока не всплыли некоторые, мягко говоря, не самые пристойные детали личной жизни Махариши: актриса Миа Фэрроу, с которой The Beatles приехали в ашрам, пожаловалась на домогательства со стороны старца (и еще нашлось немало молодых и красивых особ женского пола с подобными обвинениями). Джон разочаровался и чувствовал себя обманутым. Когда он сказал, что уезжает, Махариши взглянул на Джона и произнес: «Я убью тебя, сукин сын!» Музыкантам пришлось спасаться бегством.

попросил сестру восторженного ученика: «Вполне законное желание. Давайте-ка, займемся этим». Он, наверное, анархист, в Испании много анархистов, подумал я и шепотом спросил: «Бомба? Адская машина?» – «Вы – прелестное дитя, – ответил Хуренито, – **бомбой можно покалечить пару толстеньких жандармов, самое большое какого-нибудь короля... Нет, мы займемся иным**». И.Г. понял, что спрашивать непристойно, и ритуально поклонившись, попросил: «**Я буду вашим учеником, верным и старательным. Но дайте мне реальность, не то сегодня ночью или завтра утром я могу сойти с ума**». Учитель вынул из кармана маленькую пенковую трубку и протянул ее ученику: «Набейте добрым „капралом“ и курите – это реальность»... Хуренито раньше ограбил золотоискателей, потом занимался искусством, но это занятие не удовлетворяло его: и, после длительных раздумий, он решил, что *культура* – зло, и с ней надлежит всячески бороться, но не нападая на нее, но всячески «хотя язвы, расползающиеся и готовые пожрать ее полусгнившее тело». Таким образом, этот день (17 сентября 1912 г.) *стал датой постижения Хуренито своей миссии – «быть великим Провокатором*». Изощренно, методично, коварно. Какое «прозрение»... Разве зло вовне, а не в нас? Когда Хуренито решил покинуть родину - Мексику и уехать из Нового Света, через несколько месяцев после приезда Хулио в Европу Эренбург/Эрайнбург (стр.90) встретился с ним и стал его *первым учеником*.

Среди *семи* учеников Хуренито оказываются люди разных культур и национальностей: немец, француз, итальянец, русский, негр, американец и еврей (кроме самого Эренбурга, все достаточно условны и литературны). «Биографизм героя делает этот образ вполне правдоподобным и художественно более живым, чем другие персонажи». Число семь – символ полноты, а поэтому можно предполагать, что в число учеников («апостолов») Хуренито вошло все человечество (в их числе были «один истинный католик, один протестант, один православный, один идолопоклонник и один иудей (но очень приличный)»/стр.128). Кто же они – эти «счастливицы»? Представим их – некий показательный процесс тех, кто попал в элиту «избранников». Вместе с Эренбургом учениками Хуренито становятся люди совершенно разные. **Мистер Куль, американский миссионер**, оригинально возвращающий «долг» Европе, некогда принесшей блага цивилизации в Новый Свет: два могучих рычага истории, по его убеждению, это Библия и доллар. Из рассказов приезжавших и газетных статей мистер Куль узнал, что Европа лишена нравственности и организации. Он создает акционерное миссионерское общество, нескромно назвав-предначертав его не иначе как «**ДЛЯ БИБЛЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУЗЕМЦЕВ ЕВРОПЫ**» (вот оно отношение к нашей Европе, которую Эренбург

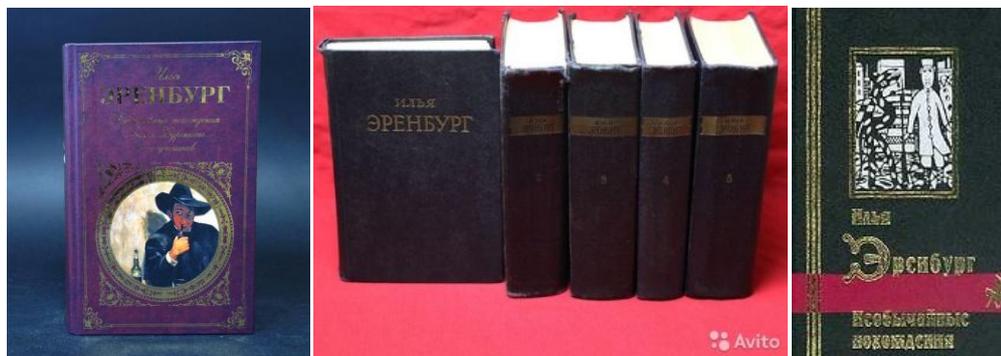
будет глобально эпизод за эпизодом разрушать в следующей своей книге «Трест Д.Е.»). В числе проектов мистера Куля: световые рекламы над булочными: «Не хлебом единым жив человек», оборудование торговых павильонов по соседству с эшафотами, дабы смертные казни из низкопробных зрелищ превратились в народные празднования... **Негр из Сенегала Айша** (на мой взгляд, какой-то он не типичный негр, более похожий на островного аборигена), вдохновляющий «Учителя» на различные рассуждения о месте религии в мире, «погрязшем в ханжестве и фарисействе». «Чаще гляди на детей, — советует он своему биографу Эренбургу. — Пока человек дик, пуст и невежествен — он прекрасен. В нем — прообраз грядущего века!» Четвертый ученик: **Алексей Спиридонович Тишин**, интеллигент из г.Ельца, прошедший юность в мучительном выборе между женитьбой на дочери почтмейстера и ответом на вопрос: «грех или не грех убить губернатора?» (*в конце впадает в депрессию*); ныне же поиски истины привели его в Антверпен, в котором он считает себя политэмигрантом и мучает собутыльников трагическими воплями: «все — фикция, но скажи мне, брат мой, человек я или не человек?» Еще один Хулиев спутник, найденный на пыльной мостовой вечного города Рима - непревзойденный **мастер плевания в длину и высоту Эрколе Бамбучи**; род его занятий — «никакой», но если бы пришлось выбирать, то «он, по собственному признанию, делал бы подтяжки». На недоуменные вопросы «зачем ему сей босяк?», «Учитель» отвечает: «*Что мне и любить, если не динамит?* Он все делает наоборот, он предпочитает плеваться, потому что ненавидит всякую должность и

всякую организацию. Клоунада? Может быть, но не на рыжем ли парике клоуна еще горят сегодня отсветы свободы?» **Мосье Дэле** - похоронных дел мастер со вселенским замахом. Немецкий студент **Карл Шмидт**, построивший жизнь по сложнейшим графикам, «где учтены каждый час, шаг и пфенниг» (в частности, он как-то скажет, что словарь надо пересмотреть, выкинув ряд ненужных архаизмов, как-то: «роза», «святыня», «ангел» и прочие)... Приближая их к себе, «Учитель» «прозревает» их скорое будущее: Дэле несказанно разбогатеет на жертвах мировой войны, Шмидт

займет высокий пост в советской России¹⁵ ...

¹⁵ - **Шмидт** впоследствии скажет: «Война приняла несколько иной характер, нежели я предполагал раньше. Совершенно ясно, что завоевать всю Европу и привести ее в порядок нам сразу в один прием не удастся. Тогда остаются переходные задачи: колонизировать Россию, разрушить, как можно основательнее, Францию и Англию, чтобы потом легче было их организовать (выделено – В.М.). Это общие положения,

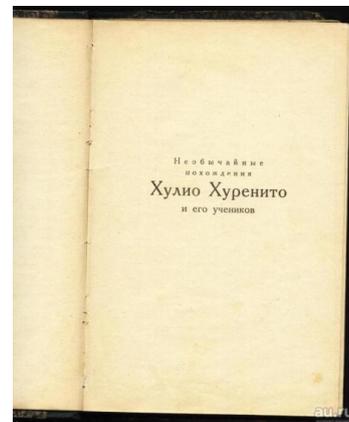
Начинается Война... Айшу призывают в армию (на фронте он теряет руку). Итальянский бездельник Эрколе Бамбучи – на войне прикинувшись контуженным, поехавши в отпуск в Рим, обменялся одеждой и документами с одним монахом (фра Джузеппо, который решил бежать с возлюбленной), и решил самостоятельно подзаработать на продаже святых образков (это оценили в Ватикане, где он потом становится заведующим «этой лавочкой», принося Святому Престолу доходы от этой продажи). Алексей Спиридонович попадает в иностранный легион, и, убивши негра во время восстания на родине Айши (перечитав в десятый раз «Преступление и наказание»), сильно сожалеет об этом и усердно кается (стр.133; мне кажется, в данной компании он лишний – просто попал случайно, как говорится, «за компанию», хотя, понятно, у учителя были свои планы). У мистера Куля появляются оружейные заводы. Эренбургу было предложено занять место кассира в одном из публичных домов («обслуживающих военных») Амьена, устроенном также мистером Кулем. Когда уже через месяц Эренбург начал жаловаться на то, что он больше так не может и «зачем все это?», учитель ответил: «Мой друг! Не ты ли в мирной “Ротонде” среди ряженных натурщиц мечтал о бомбе, о крохотной бомбочке, которая уничтожит все? Теперь ты служишь на огромном заводе, который ежедневно уничтожает десятки тысяч людей!» И на это ученик ничего не возразил, оторвав билетик очередному посетителю. «Се ля ви» («такова жизнь»), как говорят французы, или каждому свое... Спокоен только Хуренито: чему должно свершиться, то и свершается. «Не люди приспособились к войне, а война приспособилась к людям. Она кончится, только когда разрушит то, во имя чего началась: культуру и государство. Остановить войну не в силах ни Ватикан, благословляющий

теперь частности. Нам придется вскоре, по стратегическим соображениям, очистить довольно изрядный кусок Пикардии; возможно, что мы туда не вернемся, и уже очевидно, что мы ее не присоединим. **Поэтому я подготавливаю правильное уничтожение этой области.** Очень кропотливое занятие. Надо изучить все промыслы: в Аме мыльный завод – взорвать; Шони славится грушами – срубить деревья; возле Сен-Кентэнэ прекрасные молочные хозяйства – скот перевести к нам и так Далее. **Мы оставим голую землю.** Если можно было бы проделать такое вплоть до Марсея и Пиренеев, я был бы счастлив: самый безболезненный, гуманный, быстрый переход к торжеству Германии, потом к организации единого хозяйства Империи и к счастью всего человечества». Вот это учитель! До Европы еще доберутся в «Тресте Д.Е.».

новые образцы пулеметов, ни интеллигенция, морочащая публику, ни члены “Международного Общества друзей и поклонников мира”, изучающие штыки и ядовитые газы воюющих сторон, дабы установить: нет ли здесь чего-либо противного 1713 общепринятым правилам “гуманного убоя людей”». Простите, а кто же их – эти войны - тогда развязывает? Какое недомыслие, а м.б. и просто лукавство под прикрытием высокопарных речей (хотя по поводу Ватикана есть вопросы...). В этих словах Эренбургова «учителя с большой буквы» самая настоящая ПРОВОКАЦИЯ!!! Провокация по типу того («повторение – мать учения»: народная мудрость), как Хулио однажды решил, что *культура* – зло, и с ней надо порешить, **но** не нападая на нее, но всячески холя язвы, которые и «пожрут» ее (вот тогда-то он **прозрел** и *стал великим Провокатором*). И одно дело, если сие есть следствие юношеского максимализма (чем страдал и я), а другое дело, если тебя вскармливают враги отечества, в котором ты родился (пусть ты его и не любишь). Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Кормили, поили, да еще на дорогу сколько дали (а потом и сами взяли – под загадочным словом «экспроприация», чтобы нагнать туману и скрыть настоящую причину). Помните, как в сказке «Марья-искусница» русский солдат говорит, когда им

предлагают угощение в подводном царстве злого Водокрута 13: *«не ешь, горек хлеб в доме врага»*. А вас, молодых юнцов, готовили к засылке «мировым десантом», что собственно так и вышло, если судить по фактам (это можно видеть и по современным птенцам Ельцинского гнезда). И.Г. лучше бы тогда озвучил то, кто на самом деле задумывает такие мировые катастрофы и кто проводит в жизнь их планы. Не сами же самой люди и государства уничтожают друг друга? Ведь кто-то их к этому провоцирует? Хочется еще добавить один *штришок к портрету «учителя»* (или какое циничное «предсказание» сделал с американской деловитостью И.Г.Э. по поводу **Хиросимы**): «Уже удушающие газы и насосы с пылающей жидкостью, о которых он писал в 1913 году казались ему детской забавой. Он возлагал все свои надежды на известные эффекты лучей и на радий... Хуренито обратился к властям с просьбой предоставить ему для важных опытов партию военнопленных, но из-за предрассудков ему было в этом отказано. Однажды **Учитель вышел ко мне веселый и оживленный; несмотря на все затруднения, он нашел средство, которое значительно облегчит и ускорит дело уничтожения человечества.** <...> Мне известно, что аппараты он изготовил и оставил на сохранение мистеру Кулю. Когда год спустя он захотел наконец их использовать, мистер Куль начал всячески оттягивать дело, уверяя, что отвез аппараты в Америку, а поручить привезти их никому нельзя и прочее.

Я полагал, что мистер Куль руководится при этом соображениями финансового характера, но как-то он признался, **что немцев можно добить французскими штыками, а фокусы Хуренито лучше оставить впрок для японцев** (выделено – В.М.). Впоследствии обстоятельства сложились так, что Учитель не вспоминал никогда об этом изобретении, но во всяком случае — я знаю это доподлинно, — аппараты и объяснительные записки находятся сейчас в руках мистера Куля.» *А ведь так оно все и вышло потом!!!* Незабвенный **мистер Куль возникает потом и в «Тресте Д. Е. Гибель Европы»**: надо же доделать так масштабно задуманное - отдыхают все писатели мира и мистические силы. О.Бендер был всего лишь экстравагантный проходимец, но у кумира Эренбурга чувствуются планы глобалистского характера. Как говорил учитель: «Если вы не примете меня, провокатора с мирной улыбкой и с вечной ручкой в кармане, придет другой для кесарева сечения, и худо будет земле». **А на деле же мы видим его тотальное лукавство.** У него присутствует мертвая хватка, но по обращению к подопечным не скажешь: такой обходительный и милый - как-то все артистично и искусственно: «Учитель ответил мне: **“Миленький мальчик** (скажу, кстати, что я был моложе его всего на три года), ты очарователен в своей наивности. **Неужели ты только сейчас заметил, что я негодяй, предатель, провокатор, ренегат и прочее, прочее?”**» (выделено – В.М; вот это образец для подражания); или: «и, подойдя ко мне, Учитель поцеловал меня в лоб»...

Избегнув расстрела по обвинению в шпионаже поочередно во Франции (*на фото выше: горгулии и химеры на Соборе Парижской Богоматери*) и на германском участке фронта, побывав в Гааге на Конгрессе социал-демократов (во «Дворце мира», где царит фарс и фальш), они оказались в открытом море на шлюпке¹⁶ (после потопления корабля «Аннибал»), но английская рыбацья «шкуна» спасла их. Потом, оказавшись в Женеве на заседании социалистов и отдохнув в Сенегале, команда «Ух» направляется в Россию. И здесь (в Петрограде; Москве; Кинешме, где Хуренито приказывает музей и все театры немедленно закрыть/стр.176/...) наши «герои»

¹⁶ - Находясь на грани жизни и смерти 1-й ученик вспоминает: «Мне 8 лет, я избиваю живым котом, накрутив его хвост на руку, сестер. С трудом меня обезоруживают и запирают в сарай» (стр.136).

принимают участие в революционном движении, претерпевая новую порцию приключений... Учитель был назначен Верховным комиссаром (стр.162), он также займет высокое назначение в Коминтерне (стр.186). Эрколе Бамбучи как потомок древних римлян взят под защиту Отдела охраны памятников старины. Мосье Дэле в конце сходит с ума и оказывается на Канатчиковой даче (стр.173). Айша заведует в Коминтерне негритянской секцией. Мистер Куль служит в комиссии по борьбе с проституцией. Эренбург помогает Дурову дрессировать морских свинок. Шмидт занял пост в специальной комиссии Московского Совета (эволюционировав от генерала имперской германской армии до спартаковца). Россия – щедрая душа: все иностранцы пристроены... В мою задачу не входило рассказать все, но лишь поставить реперные точки; а остальное пытливый читатель должен не полениться и сделать сам...

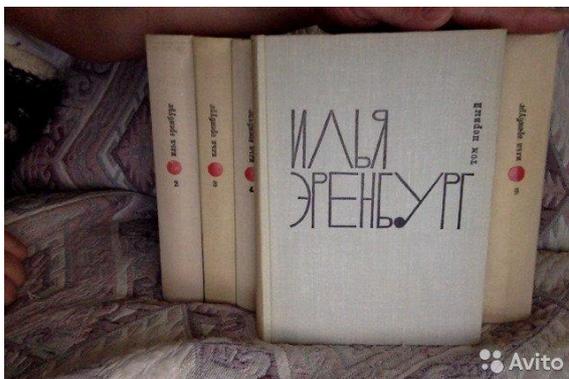
«Нерелигиозный» ученик Эренбург назвал жизнь учителя «крестный путь», учение его (в котором со слов учителя «и те, и другие мало что поймут»; но я все же попробовал разобраться) - «священные проповеди», а смерть его - «неизбежной и торжественной точкой». Алексей Спиридонович Тишин предложил даже заклеить убившего бандита ни много ни мало - «цареубийцей» (? – вот так вот: значит они ждали своего «царя»!). Эренбург также восклицает: «Мой долг перед человечеством - ...написать историю его глубоко назидательной жизни». Как не стыдно!.. Тишин (оный в детстве, когда был не в настроении, вынимал из шляпы очередной гувернантки большую булавку и начинал колоть глаза Богородице со словами: «Вот тебе, вот тебе!»/стр.41)¹⁷ как-то спросил учителя о том, неужели он так ненавидит эту жизнь?», на что он ответил: *«нет, не ненависть, но величайшая нелюбовь опустошила мою жизнь»* (с.219). Хулио Х.¹⁸ говорит в своем учении: «Если ты хочешь по-настоящему научиться ненавидеть людей, люби, крепко люби детей! Оскорбляй святыни, преступай заповеди, смейся, громче

¹⁷ - Показателен пример каким образом Алеша, которого я бы назвал контробразом Алеши из «Братьев Карамазовых» Достоевского, стал учеником Хуренито: оный прежде показал ему любопытные опыты или «чудеса», подтверждающие отсутствие пространства и времени», чем Тишин был потрясен. Так вот «Учитель» подловил Алексея Спиридоновича на его же словах и предложил основать «Общество для взыскания Человека»: «Если же эта работа ни к чему не приведет и человек окажется несуществующим, - Алексей Спиридонович должен будет признать правду Хуренито, и в дальнейшем следовать за ним...». Так и вышло.

¹⁸ - Да, Хуренито, «предпочитавший молитве усмешку» (стр.29), «в Лондоне ходил по улицам, как в храме» (стр.225) и бессребренником не был. Это следует, к примеру, из нижеследующего: они как-то так запросто отправились на недельку-другую в Голландию, где у него был ряд дел: «заседание пайщиков “Общества канализации острова Явы”, доклад в Гаагском “Трибунале мира”, закупка большой партии картин мастеров 17-го века, кофе и ножей людоедов, с прелестной резьбой по рисункам немецкого экспрессиониста Отто».

смейся, когда нельзя смеяться, смехом, мукой, огнем расчищай место для него, грядущего, чтобы было для пустого – пустое (стр. 38)» (и придет тогда наверняка Всемирный Хам-...), а «личинками нового общества» он считал «университеты, казармы и пивные». Но а на нелюбви ничего высокого и значимого не построишь. Более того: нелюбовь способна только разрушать. Мистер Куль после смерти Хуренито (которого сей ученик считал «человеком глубоко безнравственным и развратным»¹⁹/стр.49) пишет Эренбургу: «...На снарядах, изготовляемых моими заводами, марка – олива мира. Да разнесут они когда-нибудь благую весть во все земли, острова и материки». А вот еще: «Английские летчики сбрасывают стрелы, а на стрелах надписи... на ней по-английски значилось: “Брат, войди в царство небесное!” Увидев это, учитель в величайшем волнении закричал: “Это мистер Куль, не иначе!”» (стр.114; достойные ученики своего учителя). Вспомните бомбежку НАТО Сербии бомбами, на которых было написано поздравление с Пасхой...

Вот еще некоторые важные штрихи к портретам Хуренито его последышей, которые также служат продолжением раскрытия сюжета и авторского замысла... Как-то Э. заскучал и стал задаваться вопросами: «Что делает Учитель? ...Создает ли он новую религию? Или хочет взорвать дворец какого-нибудь раджи? ...Я вспоминал страшные диаграммы, висевшие в мастерской Учителя». Ночи напролет он «сидел над скучными изысканиями, как-то: статистикой германского или английского экспорта, продукцией различных угольных бассейнов и прочим. На стенах теперь вместо картин Пикассо и Леже висели карты африканских колоний и сложные диаграммы» (стр.77). Как-то Эр. пытался передать Уч. красоту сизых домов, каменных

рошиц готических церквей, свинцового отсвета медленной Сены, каштанов в цвету, первых огней вдаль, но Хулио сказал, что «все это прекрасный музей, а музеев он не выносит с детских лет» (стр.84). Одно только чарующе действовало на него – Эйфелева башня, но я вижу в этом образе некое подобие Вавилонской башни.

Шмидт настаивает на осуществлении плана искусственного оплодотворения. Он также с немецкой хваткой предлагает заменить «первобытное питание химическим», мотивируя что тем самым будет устранен голод, нищета, выигрыш миллиардов рабочих часов. Эта была его идея fixe/фикс. Русский Тишин был просто ошарашен и ничего не мог

¹⁹ - К примеру, учитель говорил: «Священно право обладания своим телом и право продавать его за золото или ассигнации. Проституция является одним из наиболее ярких выражений нашей культуры, и я предлагаю не только не бороться с ней, но поставить ее под охрану международных законов, отнести ее к числу самых чтимых учреждений наравне с сенатом, биржей и Академией искусств» (стр.58).

вымолвить. Эренбург говорит: «Я же испытывал перед Шмидтом смущение и даже страх, как на фабрике перед непонятной машиной в ходу, готовой оторвать голову зазевавшемуся рабочему» (припоминается «Сибирский цирюльник» Н.Михалкова). И не смотря на протесты и даже слезы мсье Дэле, Учитель, протиснувшись к Шмидту, сказал: «Я сразу оценил вас. Вы будете моим седьмым и последним учеником. Вашим надеждам суждено сбыться скорее, нежели вы думаете, и верьте, я помогу вам в этом. А вы, господа, смотрите – вот один из тех, которым суждено надолго стать у руля человечества!» (стр.83). Чем не пророчество? Разве в этом нельзя узнать сегодняшней день? Вот такие резоны выбора ученика... Учителю надо отдать должное. Эренбурга всегда поражала находчивость «Учителя» и «разнообразии его приемов дрессировки несхожих между собой людей». Действительно, как мог он заставить скупого и расчетливого рантье французского мсье отдать ему деньги, заработанные на всех мертвецах? «Как мог Хуренито убедить этого толстяка... О, конечно, Учитель соблазнил мсье Дэле не обновлением человечества, - нет, с безукоризненной точностью он показывал французу, что только “Универсальный Некрополь” ведет к богатству, к счастью и сладости жизни. Действительность как будто опровергала эти доводы, сорок тысяч франков исчезли, а доходов не предвиделось...». Все как приземлено и низко (и может быть даже применяя настоящие гипнотические чары): данный ученик нужен, чтобы финансово обеспечивать все свои мировые махинации...

Итак, по ходу действия Хуренито, приобретая новых последователей, занимается загадочной, а также мошеннической деятельностью, которую оправдывает тем, что он содействует «прогрессу» человечества. А что такое прогресс с его точки зрения? Отношение к искусству уже было озвучено выше, а остальное – все вытекающее из этого. Хуренито м.б. частично и удручала бессмысленность всех мировых событий, но, видимо, тем самым он хотел *начать все с чистого листа*. «Учитель с большой буквы» сам себя делает богом («если Бога нет, то все позволено» Ф.М.Достоевский), который на крови хочет построить свой мир для себя и себе подобных... Эренбурговский учитель - философ-анархист, очень образован; придерживается собственной точки зрения относительно морали, не брезгуя при этом обманывать дельцов, получая от них крупные суммы (выдавая себя за государственных деятелей иных держав – этим как бы учитель говорит Эренбургу: врать можно, когда это надо, когда это выгодно). Компания путешествует по Европе и Африке, и в конце концов оказывается в революционной России, где 12 марта 1921 года Хуренито - «мессия»-

революционер²⁰ погибает в Конотопе в 33 года (возраст Христа) всего лишь из-за пары сапог («учитель»: «за идеи я не могу умереть, остается одна надежда - сапоги»), предсказав свою смерть и завещав Эренбургу написать его биографию (но сапоги были особые: английские, шнурующиеся доверху, полученные им в Елизаветграде, когда он неожиданно для всех решил стать самозванным претендентом на российский престол / «со скуки» или как... – это уже «лирика» для дурачков: такими вещами не шутят). Тем самым автору не удалось пафосно увековечить память учителя героической смертью. А родился «учитель» – на праздник Благовещения (25 марта – по старому стилю). Одним словом, учение Хулио - это как бы псевдо-«евангелие» от Эренбурга (символично получилось, так как слово «евангелие» и переводится как «благая весть» или «благовещение»).

Чтобы создать что-то настоящее и стоящее у Эренбурга не было должного стержня, и вышло все наперекосяк: о всем понемножку,

²⁰ - Хуренито: «Революция же мне вполне по сердцу, и я полагаю, что в течение 31 года своей жизни я предпочтительно занимался именно уничтожением, подрывами, подкопами и всяческими очистительными операциями» (см.стр.179). Также ученик Эрколе Бамбучи как-то сказал: «Я знаю – вы хотите устроить революцию... - это ведь так весело!» (стр.64)... Я стал размышлять: почему же «учителя» Эренбург выводит из Мексики... Не напоминает ли Вам мексиканская пирамида на фото (пирамида Кукулькана в руинах города где жили Майя/ она же Кетцалькоатль, как его называли ацтеки на своем языке «науатль») *мавзолей* на Красной площади (говорят, что в нем был и жертвенник)? Кетцалькоатль – очень древний бог, известный еще Майя. «В Венском Кодексе Кетцалькоатль изображается как бдительный юноша, сидящий у ног “Изначального”, Дуальной божественности. Кетцалькоатль смог соединить три силы, с которыми взаимодействует человек: силу Земли, силу Неба и свою собственную силу, поэтому он воспринимается как Троиный владыка»... Троцкий в 1936г. вынужденно эмигрировал в Мексику, где жил в доме «семьи художников Фриды Кало и Диего Риверы». Кем-то считается, что образ Хулио Хуренито даже связан с личностью его соотечественника художника Диего Риверы (мексиканский художник-муралист /кстати говоря, имя Диего есть в пространном имени «учителя»: «Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина» / вот это я понимаю «имя» – на любой вкус!)... Во 2-й пол. 20-го столетия было популярным чтение нового учителя - Карлоса Кастанеды, в котором он излагал эзотерическое учение о «Пути знания» / учителем у него был маг Дон Хуан, который поведал «путь знания индейцев Яки»)... М.б. это как-то связано с ложей, в кот. Эренбург вступил и его «новым мировоззрением»?

понаслышке, где-то, что-то (тут и Ницше /роман сразу перевели в Германии/, и Достоевский, и Шпенглер...). Плутводство с легкомысленностью и хамоватостью – это некое срединное поле деятельности; ни за что не несешь ответственности. Чтобы написать что-то эпическое или классическое, нужны в идеале, помимо «искры Божией» - мощного таланта, религиозное чувство и чувство патриотизма (бывают исключения, но не в данном случае); а за неимением обоих вышла какая-то «заноза» или метафизическая мелкотравчатость. В любом случае в романе так все расплывчато и неудержимо, что и не соберешь (нет достойного сюжета, чтобы вышел, допустим, какой-то подходящий сценарий для фильма)...

*

Владимир Карлович Кантор в своей статье «Метафизика еврейского “нет” в романе Ильи Эренбурга “Хулио Хуренито”» пишет: «Единственной художественной выдумкой Эренбурга в романе (правда, чрезвычайно удавшейся) является раздвоение авторского “я”: идейный монолог отдан “мексиканцу” Хуренито, а еврейская ипостась автора дана в его собственном биографическом облике, подчеркнута сниженным. Тем самым мысли Хуренито обрели некий надчеловеческий или, по крайней мере, сверхъевропейский (“мексиканец”) масштаб». Илья Григорьевич вспоминал: «Писать я не умел... Но эту книгу я люблю», на что В.Кантор замечает: *«Ее он не мог не любить, поскольку не сам создал ее, а был лишь посредником, медиумом высших сил, за которыми едва поспевал записывать»*. И последнее - 3-е замечание от В.К.Кантора (уважаемый человек, ученый – профессор, культурфилософ), который был соплеменником И.Г., а поэтому думаю с его точки зрения слово «еврей» звучит с положительным оттенком: «Только еврей Эренбург понимает, что он вступает в контакт с Учителем, проникающим своим разумом сквозь время и пространство, только он называет себя учеником: для мистера Куля он гид, для мсье Дэле компаньон, для Эрколе Бамбучи Хуренито богач, нанявший Эрколе как гида, и т.д. И только еврей Эренбург называет себя Учеником: “Я буду вашим учеником, верным и старательным”. *Ему дано прозревать высший смысл*». Вот так! А кому-то не надо прозревать – *вот и вся разница*. Тогда что же получается в остатке: все ученики – это всего лишь прикрытие, некая ширма, а главных лица только два – «Учитель» и «ученик» (даже *два в одном*). Тогда все встает на свои места (ведь персонажи – ученики - такие разные).

Хочется прибавить еще слова самого автора: «Я люблю “Хуренито”, потому что я написал его по внутренней необходимости: я ведь еще не считал себя писателем. Книгу эту я вынашивал долго. Может быть, в ней недостаточно литературы (не было опыта, мастерства), **но нет в ней никакой литературщины...** О “Хуренито” помнят у нас предпочтительно

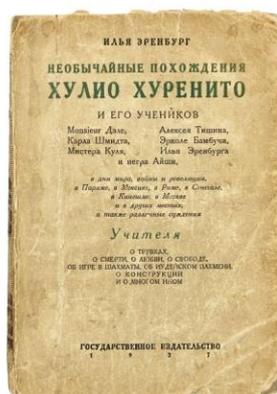
пенсионеры²¹, а он мне дорог: в нем я высказал много того, что определило не только мой литературный путь, но и мою жизнь» (выделено – В.М.). Вот она суть! Эренбург оканчивает свое писание таковым завещанием: «Неминуемое придет, я верю в это, и всем, кто ждет его, всем братьям без бога, без программы, без идей, голым и презираемым, любящим только ветер и скандал, я шлю мой последний поцелуй...»

* * *

P.S.: Роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»²², который как и «Трест Д.Е. Гибель Европы», относят к сатире, но таковой является только часть некая. Как можно называть сатирой тот материал, в котором ставятся основные вопросы бытия: о добре и зле (правда, чаще меня местами), о Боге и богопротивнике, авторском «альтер эго»; о смерти, любви, свободе... Эренбург сам является участником происходящего в книге (свое имя он закладывает и в пространное название: см. сноску); есть даже прозрения, которые впоследствии сбываются²³.

²¹ - Наши люди помнят «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека, «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. Они помнят невероятные похождения мошенника и привлекательного плута Остапа Ибрагимовича Бендера (Задунайского; папа его был турецко-подданным), который был «идейным борцом за денежные знаки» и знал «четыреста сравнительно честных способа отъема (увода) денег» (или хотя бы к/ф «Невероятные приключения итальянцев в России»), но не то произведение, где довлеют коварство и злоба...

²² - Полное название романа содержит около пятидесяти слов: «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: Monsieur Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, **Илья Эренбурга** и негра Айши, в дни мира, войны и революции в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения Учителя о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, об иудейском племени, о конструкции и о многом ином». Это первый роман «поэта, прозаика, переводчика, эссеиста и...».

²³ - В «...Хулио Хуренито» автор «просчитал» и предсказал Холокост, атомную бомбардировку Хиросимы; в целом предсказана Вторая Мировая война, но только он «малость» ошибся с ее итогами, живописуя как «в деспотической России при победе

Эренбург поднимает еврейский вопрос (не думаю, чтобы для автора этот болезненный вопрос стал очередным поводом чтобы пошутить). Опять же: хотя роман и имел необычайный успех в 1920-е годы, но «в последующие годы был изъят и помещен в спецхран, не переиздавался до 1960-х годов, причем до перестройки роман издавался с существенными цензурными сокращениями.» (Википедия). «В переиздания 1927—1928 годов цензурой были внесены сокращения, особенно в 27-ю главу (о встрече Хуренито с Лениным²⁴). После этого более 30 лет роман был под запретом: только в собрании сочинений Эренбурга (1962 год) «Хуренито» появился снова, но предисловие Бухарина и 27-я глава были выброшены полностью, а ряд фраз были вычеркнуты или переделаны»... Хороша сатира, что власть так серьезно и напряженно к нему отнеслась. На фото выше – как раз издание книги за 1962 год (т. 1-й), в которой я и познакомился не только с Хулио, но и с И.Г.Э-ом... Не бывает дыма без огня. Эренбург в своих воспоминаниях пишет о том, что замысел романа сложился у него «еще в бытность его в революционном Киеве»: «Я работал с утра до поздней ночи в маленькой комнате с окошком на море. “Хулио Хуренито” я написал за один месяц, писал как будто под диктовку. Порой уставала рука, тогда я шел к морю...»²⁵ (вот только под чью диктовку, уж не «он» ли самый?). В 2008 году редакцией «Независимой Газеты» («НГ-ExLibris») «Хуренито» включен в список «100 лучших романов всех времен» (хотя вы же понимаете статусность этой «газеты» - что она такое, что представляет собой сегодня; разве в прессе сейчас может существовать независимость: кто платит деньги, тот и заказывает музыку). Сам **Эренбург** называл этот роман лучшей своей книгой²⁶. **Владимир Ленин** высоко оценил «Хулио Хуренито»²⁷. Другой Владимир - **Кантор** считал, что это «одна из величайших книг XX столетия».

союзников будет введена свобода» (стр.104). И такие вещи проходили еще в 1922 году (да и цель войны - «защита цивилизации» - какая-то странная).

²⁴ - Читайте в самом конце статьи.

²⁵ - *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 т. Т. М.: Советский писатель, 1990. С. 377.

²⁶ - «И “строгим мыслителем” Эренбург был не только в романе “Хулио Хуренито”, который во всех разговорах на эту тему он неизменно называл лучшей своей книгой...» («ГОЛОС ВЕЧНОСТИ. Бенедикт Сарнов).

²⁷ - Когда Ленин прочитал «Хулио Хуренито», в 1922 году, он радостно говорил Крупской: «Ты представляешь, наш Илья Лохматый какую книгу написал!». У него было даже 2 издания этой книги.

Б. Ельцин в костюме мальтийца с грамотой, полученной от ордена. 200 лет прошло с той поры, как Александр I запретил мальтийцам и масонскому мальтийскому ордену появляться на территории Российской Империи, но... Так вот говорят, что Ельцин тоже был масоном.

Мариэтта **Шагинян** оценила роман как «событие в нашей литературе», но событие какого толка? Что Шагинян имела ввиду, то пусть и имеет, но у меня (как и у многих других людей) на сей счет имеется свое непредвзятое мнение²⁸. Такой «Учитель»-самозванец с туманной философией отрицания-«пофигизма»-разрушения, нам не нужен. Нам не нужен очередной лже-пророк. Хороша «сатирка», да не наша (над ней можно посмеяться-поиронизировать, если только находиться под дозой веселухи - курительной «наркотической смеси»²⁹, и тогда тебе что воля, что неволя; тебе будет все «по-барабану» или по-«хулио»/ тогда уже *похулить* можно запросто, ибо нет сдерживающих скреп...). Может быть автор тем самым пытался себя обезопасить, так как за подобные убеждения легко было оказаться в клетке в то время; но тогда надо сделать свой выбор - быть воином или не быть (выбор, видимо, в сторону «не быть», и тогда это не понятно что, так себе; юноши, когда напьются, то начинают пафосно рассуждать и махать руками - погалдели и разошлись; а если дядюшка Сэм или еще Кто-то с «коллегами» поможет долларами и золотом, быть кровопусканию...). Для человечества предлагается образ нового «учителя» – Хуренито (прослеживается даже некая частичная внешняя похожесть на имя Христось; а по сути – анти Христось, но пока еще не сам антихрист), а точнее – для Эренбурга-конспиролога³⁰ и его команды. Это

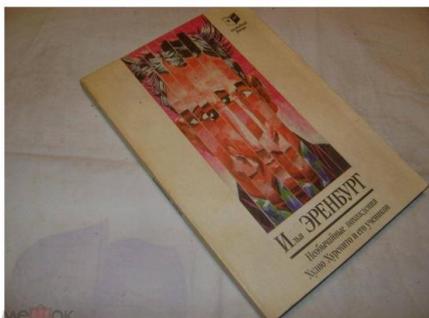
²⁸ - Юрий Николаевич (Насонович) Тынянов («советский русский писатель, создатель известных исторических романов, драматург, поэт, великий теоретик литературы и кино») оценил так творчество Эренбурга: «Массовым производством западных романов занят в настоящее время Эренбург. Его роман “Необычайные похождения Хулио Хуренито” имел необычайный успех. Читатель несколько приустал от невероятного количества кровопролитий, совершавшихся во всех повестях и рассказах, от героев, которые думают, думают. Эренбург ослабил нагрузку “серьезности”, в кровопролитиях у него потекла не кровь, а фельетонные чернила, а из героев он выпотрошил психологию, начинив их, впрочем, доверху спешно сделанной философией. Несмотря на то что в философскую систему Эренбурга вошли... все кому не лень, — а может быть, именно поэтому — герой стал у него легче пуха, герой стал сплошной иронией. <...> Результат всего этого получился несколько неожиданный: у экстракта “Хулио Хуренито” оказался знакомый вкус — он отдавал “Тарзаном”.»

²⁹ - Эренбург: «Я начал по доброму совету моего друга... глотать два-три зернышка гашиша/стр.90».

³⁰ - Нельзя не привести портрета автора - парижского Эренбурга от современника Максимилиана Волошина для полноты складывания картины: «Я не могу себе представить Монпарнас времен войны без фигуры Эренбурга. **Его внешний облик как нельзя более подходит к общему характеру духовного запустения** (выделено – В.М.). С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитическими губами, с очень длинными и очень прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом, имеющий вид

учитель – которого я, собственно, и учителем то назвать не могу, так как Эренбург не излагает его учения (кроме провокации; ясно, что самое сокровенное и конечные цели автор прикрывает) и не понятно чему набранный контингент хочет у него научиться. Это «учитель» без созидательных ответов на самые важные вопросы жизни (а если их ставить и искать как надо, то тогда опять надо делать поворот к религии, а значит и ко Христу). Хулио Хуренито был отважным человеком, энциклопедистом, полиглотом (а остальное – все вышеозвученное), но этого недостаточно, чтобы быть настоящим учителем – надо иметь призвание Свыше (если только не быть призванным Снизу)...

Мы идем другим путем, данным нам в Божественном ОТКРОВЕНИИ: этот путь – к Отчему Дому, где радость, добро, гармония и «Свет»; там нет смешения понятий, двойственности и хаоса...
/Валерий Мешков 10 – 21 мая 2020 года/

О встрече Хуренито с Лениным (с идейной стороны судить читателю, но с художественной стороны образы Ленина и Учителя решены в этой сцене слабо и не интересно):

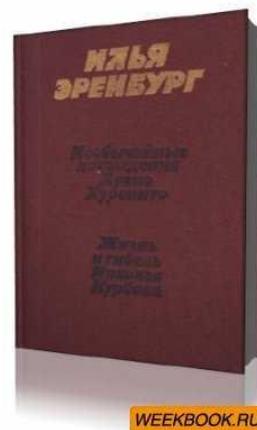
«Войдя в кабинет, я только успел заметить чьи-то глаза, насмешливые и умные, понял, что надо бежать, но вместо этого кинулся за стоявшую в углу тумбу с бюстом Энгельса и, ею прикрывшись, сидя на корточках, зяб и томился: “Сейчас меня найдут. Какой позор! Как опишет это грядущий биограф Ильи Эренбурга – поэта?” (какого он о себе мнения: уже подумывает о памятнике - В.М.; лишний раз подтверждает, что писал не как фантазию). Я не боялся ни пушек, ни пулеметов, ни Шмидта, ни сородичей Айши и вдруг испугался добродушного дяди, который пять лет тому назад был в Париже моим соседом и пил «боки» в излюбленном мною кафе... И все же я не мог преодолеть страха. Все время, пока они беседовали, я просидел в углу, роз от попавшей в нос пылинки чихнув и вызвав недоуменный взгляд «самого» и пренебрежительное: «Это со мной товарищ один, не обращайтесь внимания», – Учителя.

В европейской прессе появилось немало количество самых разнообразных интервью с вождями коммунизма... Сначала коммунист пытался, впрочем, говорить совсем о другом, не отвечать, но предпочтительно спрашивать – близка ли в Мексике социальная революция, применялась ли там в широком масштабе электрификация и прочее. Но Учитель быстро перевел беседу на другие рельсы. Для этого он применил верный способ нападения, предоставив коммунисту защищаться и, защищаясь, выявлять себя.

человека, “которым только что вымыли пол”, Эренбург настолько “левобережен” и “монпарнасен”, что одно его появление в других кварталах Парижа вызывает смуту и волнение прохожих». И его первый роман тоже вызывал литературное бурление.

– Что вы думаете,– начал Хуренито,– о бездеятельности, разгильдяйстве и дикой расточительности сил, царящих в Советской республике? У нас на очереди посевная кампания, Донбасс, продагит, наконец, электрификация. А на что идут силы? Поэты пишут стихи о мюридах и о черепахах Эпира, художники рисуют бороды и полоскательницы, филологи ковыряют свои корни, математики опт них в этом не отстают. В театре – мистерии Клоделя. Почему не закрыты все театры, не упразднены поэзия, философия и прочее лодырничество?..

– Обо всем этом,– ответил миролюбиво коммунист,– поговорите лучше с Анатолием Васильевичем. Искусство – его слабость, я же в нем ничего не смыслю и перечисленными вами ремеслами совершенно не интересуюсь. **Мне кажется гораздо более занимательным писать декреты о национализации мелкого скота, нежели читать стихи Пушкина, от которых я сам честно засыпаю. Я с детских лет ничего не читал и не читаю, кроме работ по моей специальности. Я не гляжу на картины, мне интересное смотреть на диаграммы. Я никогда не ходил в театр, вот только в прошлом году пришлось мне по долгу службы с гостями республики, и это было еще снотворнее гимназического Пушкина** (все выделенное –

В.М.). Чтобы перейти к коммунизму, нужно сосредоточить все силы, все помыслы, всю волю, всю жизнь на одном – на экономике. Засеянная десятина, построенный паровоз, партия мануфактуры – вот путь к нему, а следовательно, и цель нашей жизни. Оставьте санскритские словеса, любовные охи, постройки новых или ремонт старых богов, картины, стихи, трагедии и прочее. Лучше сделайте одну косу, достаньте один фунт хлеба!

– Я вас понимаю,– сказал Хуренито,– вы высокий образец здорового однодумья. Со многими мыслями жизнь кончают на корточках, за тумбой (это было уже после моего чиханья), а начинают ее, напротив, с неумолимыми шорами, концентрирующими всю энергию на едином помысле. Однодумье – дело, движенье, жизнь. Раздумье – прекрасное и блистательное увеселение, десерт предсмертного ужина.

...Позвольте теперь задать вам второй вопрос. Как можете вы терпеть левых эсеров, выступающих на митингах, идеалистов, продолжающих, пусть тихо, в семейном кругу, поносить исторический материализм, наконец, просто миллионы людей, которые до сих пор верят не в торжество коммунизма, а хотя бы в целительные способности святителя Пантелеймона?

– Это опять не по моей части. За разъяснениями обратитесь к товарищу... (От острого приступа страха я прослушал имя.) Мне кажется, что людей безвредных, даже если они заблуждаются, обижать не следует. Конечно, правы мы. Конечно, они ошибаются, одни из них глупцы, другие предатели. Первых мы просветим, научим, вторых – **устраним**.

– Вы безусловно правы,– подтвердил Учитель,– лицемеры назовут вас фанатиком. Но разве можно делать что-либо, не будучи слепым, не веря в свою абсолютную правоту? Если я, может быть, и прав, но прав и враг мой, один, другой, третий, и у всех нас лишь осколки единой истины, как уверяют импотенты сызмальства, то остается признать факты, а засим сесть на подушку и чесать до смертного часа зад. Действие начинается там, где кончаются высокоумные “но”. Я вполне оценил всю мощь вашего “конечно”. Это значит, что у вас не девяносто девять сотых, а вся истина, ибо если у какого-нибудь меньшевика хоть одна сотая ее, то его вместо Бутырок надо позвать в Совет, начать советоваться, обсуждать, раздумывать, колебаться и перестать действовать. Ваша повязка на глазах – великолепный панцирь от беса мудрости,

восприятия и прочей индопоолеобеденной чепухи. Сегодня в “Известиях” опубликован список расстрелянных...

Коммунист прервал Учителя возгласом:

– Это ужасно! Но что делать – приходится!

Я не видал его лица, но по голосу понял, что он действительно удручен казнями, что слова его не дипломатическая отговорка, а искренняя жалость человека, вероятно, очень добродушного, никогда никого не обижавшего.

Он продолжал:

– Мы ведем человечество к лучшему будущему. Одни, которым это не выгодно, всячески мешают нам. Прячась за кусты, они стреляют в нас, взрывают дорогу, отодвигают желанный привал. Мы должны их устранять, убивая одного для спасения тысячи. Другие упираются, не понимая, что их же счастье впереди, боятся тяжелого перехода, цепляются за жалкую тень вчерашнего шалаша. Мы гоним их вперед, гоним в рай железными бичами. Дезертира-красноармейца **надо расстрелять** для того, чтобы дети его, расстрелянного, познали всю сладость грядущей коммуны!

Он вскочил, забегал по кабинету, заговорил уже без усмешки, быстро, отчаянно выкашливая слова:

– Зачем вы мне об этом говорите? Я сам знаю! Думаете – легко? Вам легко – глядеть? Им легко – повиноваться? Здесь – тяжесть, здесь – мука! Конечно, исторический процесс, неизбежность и прочее. Но кто-нибудь должен был познать, начать, встать во главе. Два года тому назад ходили с колышками, ревмя ревели, рвали на клочки генералов, у племенных коров вырезывали вымя. Море мутилось, буйствовало. Надо было взять и всю силу гнева, всю жажду новой жизни направить на одно – четкое, ясное: стой, трус, с винтовкой защищай Советы! Работай, лодырь, строй паровоз! Сейте, чините дороги, точите винты! Над теми генералами, над помещиками, подожженными в усадьбах, над прапорщиками в Мойке глумились и потом ползали на брюхе под иконами, каюсь и трепеща. Пришли!.. Кто? Я, десятки, тысячи, организация, партия, власть. Сняли ответственность. Перетащили ее из изб, из казарм сюда, в эти ее исконные жилища, в проклятые дворцовые залы. Я под образами валяться не буду, замаливать грехи, руки отмывать не стану. Просто говорю – тяжело. Но так надо, слышите, иначе нельзя!..

Высунувшись, я увидел, как Учитель подбежал к нему и поцеловал его высокий, крутой лоб. Очумев от неожиданности и ужаса, я бросился бежать. Опомнился я только у кремлевских ворот, где часовой остановил меня и Хуренито, требуя пропуска.

– Учитель, зачем вы его поцеловали, от благоговения или из жалости?

– Нет. Я всегда уважаю традиции страны. Коммунисты же тоже, как я заметил, весьма традиционны в своих обычаях. Выслушав его, я вспомнил однородные прецеденты в сочинениях вашего Достоевского и, соблюдая этикет, отдал за многих и многих этот обрядный поцелуй...»

«Впервые Эренбург и Ленин встретились в большевистском кафе на бульваре Орлеан. Революционеры на удивление официантов пили популярный среди французов напиток гренадин, а Ленин заказал кружку пива. Отношения между Лениным и Эренбургом, несмотря на взаимный злостный троллинг, были вполне нормальные. Тогда Ленин не был иконой, а был живым, еще совсем не старым человеком с чувством юмора. Что что впрочем не помешало Ленину выгнать Илью из партии за рисунки в его журнале.»

В конце XIX века на бульваре Клиши в районе красных фонарей (Пигаль) в Париже неподалёку от "Moulin Rouge"

существовало любопытное кафе-кабаре "L'Enfer" ("Преисподняя"). Необыкновенный интерьер, официанты в "дьявольских" костюмах - всё это создавало жутковатую атмосферу "преисподней", где швейцар обращался к посетителям словами: "Добро пожаловать и будьте прокляты!"

- группа «Час близится» (с.230) – м.б. это название его ложи?
- Айша занял должность гувернером у собачки у мадам Жоб.